

Душ

18+

Поэмы 21-го века

Роман Кирнасов
Поэмы 21-го века

«Автор»

2009

Кирнасов Р. И.

Поэмы 21-го века / Р. И. Кирнасов — «Автор», 2009

ISBN 978-5-532-12299-4

"Поэмы 21-го века" – вторая глава из собраний сочинений «Фантастика и философия XXI века» Кирнасова Романа Ивановича под псевдонимом – Априот - Душ. В данных рифмованных поэмах показан философский смысл некоторых различных, по своему содержанию, вымышленных историй. Эти произведения написаны в жанре фантастики. Книга предлагается только взрослой аудитории, так как в ней описываются ещё и приключения эротического содержания. Свидетельство авторского права на произведение № 31476 Сборник произведений "Фантастика и философия 21-го века" автор: Кирнасов Р.И. (Априот). г. Киев. 22.12.2009 г. Обновленный псевдоним: Душ.

ISBN 978-5-532-12299-4

© Кирнасов Р. И., 2009

© Автор, 2009

Роман Кирнасов

Поэмы 21-го века

0.2.1. «Рифмованный смысл».

Я – рифмованный смысл, я кумарю тебя,
Того, кто сейчас здесь читает меня.
Сказку я о себе начинает толкать,
Так как я хочу, чтоб меня ты мог знать.
Нет во мне пустоты, нет во мне чистоты,
Если я не вернусь – не вернёшься и ты.
Смысл в любви – это грусть, и она будет пусть,
Чтобы полный набор освещал в жизни путь.
Смысл в игре, лишь один – поучаствовать, блин.
Ведь играют в игру, – интерес, «угу-гу».
Поиграть – это суть, ну а проиграть – опыт,
Чтобы в следующий раз всё же выиграть, может.
В чём же смысл любви? Для чего это надо?
И какая за это будет людям награда?
Смысл в любви – то уловка и простая преграда,
Один уровень в классе, то есть просто – досада.
В чём же смысл пустоты? Не узнаешь и ты.
Смысла нет в пустоте, то есть, нету, меня.
Почему меня нет? Только, лишь, потому –
Исключение из правил – пустота, угу-гу.
В чём смысл смысла, вы хотите узнать?
Хотя, вообще, мне, смыслу, – всё ж на это плевать.
Смысл смысла – квадрат, то есть смысл двойной,
Ну, а его смысл это куб – смысл тройной.
Смысл я вот такой, изменяюсь всегда,
Чтоб меня ты догнать не смогла никогда.
Ты понял, вроде смысл, и схватил ты меня,
Ну а я, прям как дым, – растворился слегка.
Смысл вам не догнать, вы поверьте, друзья,
Потому что, свободу, я очень, любя,
Вашим быть не хочу и не буду совсем,
Я останусь один, весь рифмованный всем.
Сухим я вышел из воды, сухим пойду теперь я дальше,
Сухим останусь навсегда, чтоб больше не видать мне фалыши.
Два раза в воду не войдёшь, её два раза не полюбишь,
А если вступишь второй раз – её другой ты обнаружишь.
В чём смысл существования материй?
Лишь только в том – чтобы быть с душой.
В чём смысл их объединений?
Лишь только в том – чтобы быть собой.
Зачем вообще я нужен всем? Затем, что без меня совсем
Не существует ничего, кроме пустоты, и всё.
Я часть всего и каждого, главнейшая я часть.

И без меня пропавшего, придётся всем пропасть.
Но я не исчезну, хоть и захочу,
С единой Вселенной я не укачу,
С единой программы, ведь выход один,
Он лишь в пустоту, он не заменим.
А как вы поняли меня, там – то нет,
Поэтому я оставляю свой след.
Как мне без тебя – так тебе без меня, -
Совсем не получается быть никогда.
Я, рифмованный смысл, догоняю тебя,
Ну а ты аж совсем не гонись никогда.
Просто душу открой, и меня полюби,
Потому что тебя я уже заслужил.
Без тебя тяжело, без тебя не легко,
Без тебя мне любить больше не суждено,
Без тебя не могу, без тебя не хочу,
Потому что тебя до сих пор я люблю.

0.2.2. „Объявление” или „Поэма о Кваземорде”.

Жил-был Кваземорда, его так дразнили;
В него все плевали, когда проходили.
Бомжом он всю жизнь свою был без желанья,
Ведь он был урод, – своего пониманья.
Он с детства бродил по подвалам, вокзалам,
И все его, в общем, уж не замечали.
Питался отбросами, нюхал носки,
Ну а по ночам выл, как волк, от тоски.
Была и мечта у него золотая:
„Чтобы жена была очень крутая,
К тому же, чтоб мужа очень любила, -
Такого, как есть – уroda, дебила”.
И вот, Кваземорда, копаясь в помойке
Нашёл замусоленную газетёнку.
Читать он умел, и даже писать,
Его научили, так, годиков в пять.
Увидел анкету он о знакомстве,
Заполнил её и выслал по почте.
Но вот, телефона галяк у кретина,
Ведь жил он уж хуже, чем в стойле скотина.
Поэтому адрес причала вписал,
Где, в общем, на пирсе, пристанище взял.
Там, прям, у воды, яхты стояли;
А чуть, там, по одали, баки сверкали,
За баком с мусором была постройка,
Толи домина, толи обломка,
Может, то даже был древний сарай,
Потом стал парашей, и весь исхудал.
Ну, в общем, бомжара там «наш» проживал,

Он счастья не видел, а горе, лишь, знал.
Прошёл один день, за ним и неделя,
Потом прошёл месяц, затем – целых три.
И «гремлин» забыл про газету с объявой,
А думал, лишь, только как стыбзить суши.
Но тут в газетёнку пришло объявление:
„Хочу, мол, создать, своё поколение,
Детей очень много, ну, в общем, – семью,
Ну, а для начала, ищу, мол, жену –
Крутую блондинку на белом коне,
Ну, то есть – на «Мерсе» иль на «Шеврале»,
Богатую очень и очень блатную –
Красавицу, в общем, ищу, мол, а что;
Чтоб очень спокойная была, к тому же,
И чтоб подчинялась во всём только мужу,
Минет по утрам и кофе в постель,
И чтоб без проблем, ну, в общем, – совсем,
Ну, прям, как рабыня, чтоб просто была,
И чтобы любила очень меня.
А сам я – ушлёпок, к тому же – калека,
Моральный дебил и кретин с того века,
Лицо моё, прямо, как у Ганнибала,
Отвислая челюсть, опухло «моргало»,
Все зубы кривые, а нос, уж, прогнил,
Ну а на башке нет совсем волосин.
Прописка моя – там, в норе серой мыши,
А все документы, – меня, уж, не слышат,
Живу, мол, за пирсом, за мусорным баком,
Стою я у бака всегда в позе «раком»,
Мои конкуренты: большая собака
И маленький пёс с переломанной лапой.
В душе я – Философ, романтик, поэт,
Но мне, по натуре, – не мил белый свет”.
Жила и была на том берегу
Особа такая, что я «угу-гу»,
Не то, чтобы я, а даже ни кто,
До ней не достигнется даже Кусто.
Имела и дом, и машину, и дачу,
К тому же, – весь город и фирму, в придачу;
К тому же красавицей чёткой была,
И даже, без всякой косметике, да!
У ней было всё, чего пожелаешь,
Но этим её не удовлетворяешь,
Несчастлива была, как «наш» Кваземорда,
Не нравилась ей, ни чия, сука, морда,
Ведь, к морде всегда прилагалась душа,
Ну, в общем, искала она кореша,
Чтоб чист был душой и крепко любил,
Не деньги её, а её, из всех сил.

Не ладилось, в общем, у ней ни хренá,
Она к психиатру, вдруг, как-то пошла.
Он был предком Фрейда и очень умён,
И за гипер-плату ей правду привёл:
„Ты, если хочешь найти человека,
Чтоб искренним был душою и телом,
И чтобы совсем не любил беспределить, –
Тогда, мол, ищи уроды, калеку,
Ну, чтоб не похож был на человека.
А если, красивого, ты, вдруг, найдёшь, –
Тогда ты с ним лажу, большую, возмёшь,
Он кинет на бабки, тебя отымеет,
Потом убьёт, что найти не сумеют.
Тебе выбирать, – это правда, ты знай,
И на мой совет совсем не забивай».
И вот, извлекая прикольную шнягу, –
Газету читая, красавица, вдруг,
Объяву «спалила», болел-то недуг.
Объяву она целиком прочитала,
И сразу надежда у ней замелькала,
О том, что будет у ней муж и друг,
Душою своею излечит недуг.
В раздумьях она побыла две недели,
О том, как с таким кувыраться в постели,
Но вспомнив врача смысловатый совет,
В мыслях, согласилась сделать минет.
Поехала в тачке – на пирс прикатила,
И стала искать бомжару кретина.
Ну а Кваземорда стоял в позе «раком»,
А рядом гавкали ротом собаки,
Весна в это время уже наступала,
Своей природой всем что-то чесала,
И «наша» красавица очень хотела,
Текла каждый день от желаний и тледа.
И вот белый «Мэрс» прям к бакам подъехал
И чуть пса больного не переехал.
Окошечко, вдруг, потихоньку открылось,
И белое личико в миг появилось.
И тут наш бедняга, моральный калека,
Слегка повернулся, смотря в человека.
– Вы – бомж Кваземорда? – Спросила принцесса.
И ей захотелось блевать без абсцесса.
– Ну, да. Чего надо? – Промолвил бомжара. –
И кто Вам сказал моё имя? Задаром?
– Я Вашу объяву здесь прочитала,
Иль Вы не писали? – Принцесса сказала.
И тут Кваземорда разинул свой рот,
Мигóм позабыл то, что он был урод.
Красавица «наша» блевать то хотела,

Но ради мечты, сдержалась – сумела.
Сказала бомжаре: «Садись-ка ты в тачку,
Но только, смотри, её не запачкай».
Его она шоку этим подвергла
И он удивился и застыл прям на зёмле.
Водила тут вышел, открыл дверцу тачки,
В перчатках засунул бомжа, всё запачкав,
Потом сел в авто, на газ надавил и умчал далеко.
Он ехал сквозь мост, через реку, назад.
Ну а у бомжа сверкали глаза.
И чтобы из шока вышел бедняга, -
Достала красавица сразу две фляги,
Ну в общем, – коньяк ему протянула,
Он выдул их махом. Не приятным подуло.
Она привезла его сразу в баню,
Его там отпарили свеженьким паром,
Массаж трёх часовый, помыли, побрили,
Почистили зубы и ногти спилили;
Потом, сразу в клинику, быстрый хирург
Провёл операцию и отвёл дух.
Его приодели, речь восстановили,
Ну, в общем – совсем его изменили.
Она забрала его прямиком,
К себе привезла, завела к себе в дом.
И сразу она себя предложила,
Чтоб попросту время ..., и так долго «ныла»...
И тут, Кваземорда, увидев "звезду",
Прилип очень быстро лицом, «угу-гу».
Лизать он ей начал, не переставая,
Что аж поломался конкретно диван.
Затем на инстинктах, засунул ей «уй»
И трахал весь год «наш» «больной» обалдуй.
Она всё текла и не уставала,
Ну, а по утрам постоянно сосала.
Режим был отличный, совсем для обоих,
"Любил" он её с голодухи своей.
Весь год он её не оставил в покое,
Совсем не на миг, он был счастлив вполне
И лишь в перерывах ел он мясо,
Она в это время ела с ним,
Ещё, в перерывах, любили в бассейне,
Купаясь и моясь вдвоём каждый миг.
И вот, через год страсть большая проходит,
Но «наш» Кваземорда с жены то не сходит,
"Любит" её днём, вечером, по утрам,
Когда она спит – "любит" он по ночам.
А «наша» принцесса про всё позабыла
И им наслаждала все дыры свои.
И так продолжалось всё время – до смерти,

И мы здесь не брешем, вы нам поверьте.
Друг друга они всей душой полюбили,
К тому же на тело своё не забили,
Удовлетворялись, – детей наплодили,
Оставшую жизнь на халяву прожили,
Совсем не страдали, совсем не тупили,
Ни чего не курили и больше не пили;
Безумием больше они не страдали
И страстью не сильной, но всё же пылали,
Ну, в общем, – с умом друг друга любили,
Не спорили вовсе, совсем не тупили.
Бабло, кстати, вовсе, совсем не исчезло,
Проценты большие у ней были четно,
Поэтому, в общем, – она заслужила
Такого голодного, в сексе, кретина,
И он тоже, в общем, – её заслужил,
Что чист был душою, ерунду не мутил.
Вот так вот случилось, и это бывает,
Лишь, с теми, кто многое очень знает, -
О том, что – чем больше у «нас» недостатков –
Тем больше достоинств, и это так гладко.
И если хотите найти половину –
Объяву пишите в газету отныне.
Но только совет мы вам свой предлагаем,
И смысл его мы замечаем, –
Пишите своё резюме вы не клёво,
Верней, – о себе вы пишите не клёво,
Все качества, полностью приуменьшайте,
И требуйте больше, чем даже желаете;
А это вам нужно, лишь, для того –
Чтоб полный верняк ощутить на все сто,
И чтоб понапрасну вас не цепляли,
Вопросами глупыми не донимали,
А в будущем – чтобы не упрекали
Не требовали и чтоб не гнали.
Верняк это круто, верняк это классно,
Хоть даже в начале не очень прекрасно,
Хоть даже в начале не много обидно,
И как-то всё смутно и вроде не видно,
Зато, чуть попозже, эффект весь пойдёт,
И «ваша» "звезда" вас уж не задолблёт,
И не надоест, не будет противно,
Когда тридцать лет проживёте с ней стильно,
И муж «ваш» не будет злой никогда,
Если "звезда" будет готова всегда,
Если "звезду" никогда не зажмёте.
И если всегда по утрам «Вы» сосёте,
То значит – Вы счастливо с ним проживёте.
Вы не пугайтесь и не стесняйтесь,

Не жадничайте и не тикайте...

0.2.3. «Пролактин».

Глава I «Пролактин».

Летел самолёт над тайгой, – над Россией,
И до конца не смог путь осилить:
Какая-то схема закоротила
И быстро то пламя, своё возбудила.
Он, вдруг загорелся, пилоты поняли,
Что случилось, вдруг то, что не ожидали.
Они пассажирам парашюты вручили
И прыгать немедля, всем поручили.
Там было людей, где-то – тридцать, примерно,
А может быть, больше, скорее, наверно.
Пять было детей, семи лет, где-то вроде,
И с ними вожатая, они были в походе;
Мужик был – философ, и девушка тоже,
Она ниже ростом и вроде моложе.
Других было разных, но смысла в том нет,
Ведь они не успели спрыгнуть, – их нет.
Вожатая, девочек двух подхватила
И в парашют к себе зацепила,
Ещё двух девчонок философу дали
И быстро, спеша, ничего не сказали;
А пятую девочку, – вручила девчонке
И прыгать собралась, молча очень звонко.
Философ, вдруг, крикнул честному народу:
«Встретимся возле сего самолёта».
Поспешно все прыгнули в миг друг за другом,
А все остальные – взорвались с испугом.
И самолёт, от взрыва лихого,
Напополам раскололся, в итоге.
Кабина его сама полетела –
Была без хвоста, и она не горела.
А хвост, – ещё раз вспыхнул в полёте, –
И нет, теперь, уже самолёта.
А те, кто спаслись, – в небе парили –
Свой страх высоты они победили,
Кольцо смыкнули, ещё пропарили, –
И на земле себя ощутили.
Они первый раз парашют раскрывали
И как с ним лететь – не понимали,
Поэтому в разных местах оказались,
Пошли все туда, где части остались.
Философ шёл, смело, общаясь с детьми,
Не верил ушам, когда слушал их сам он, –
Они, по общению, не были детьми,
Об этом они знали и сами.

Детями – индиго они оказались
И на всё, что слышали – не удивлялись,
А сами в ответ добавляли до темы,
Вот это везло в общении, с делом.
Они целый день шли до места взрыва,
И вот, наконец-то открылся пред ними:
Кусок самолёта, уже догорал...
– А где же кабина? Ни кто не видал?
– Кабина упала правее хвоста. –
Сказала Катюша и сразу пошла.
– Давайте мы всех подождём у огня. –
Сказала Анюта, глядя в далека.
Вокруг были ели, другие деревья,
Чуть дальше – поля расстилались «безмерно».
А от самолёта осталось железо,
Горело слегка и дымилось оно.
Надежда была, лишь, на кабину, –
На то, что в кабине осталось чего.
Была то весна, но морóзно, однако, –
Почти крайний север, вокруг было мряко.
Снежок кое-где, виднелась река,
Вот только, река была далека.
Девчонки стояли возле тепла,
А философ, взяв палку, накалив до огня,
Разводил, полукругом, много костров,
Собрав перед этим достаточно дров.
Костры от волков, кабанов и медведей
И чтобы увидели огонь из-за елей
Другие, которые тоже спаслись,
И чтоб не петляли и быстрее прибrellись.
И вот, зашуршало поодаль, вдруг что-то,
Философ сразу увидел кого-то,
Поднёс оп на палке огонь для проверки,
В ответ он слышал слова очень мелко:
– Привет, это мы. – Поднимались девчонки.
Они снизу шли и дошли уже звонко.
Увидев подружку? Людмилу, девчонки,
Кинулись навстречу, помогать ей, но с толком.
Философ помог той, что была постарше,
Забраться на гору, её звали Наташей.
Они на бревне все сидели, общаясь
И ждали ещё троих, а те приближались.
А сзади бревна догорел уже хвост,
Ну, а впереди – костры полукругом,
Костры то пылали, ведь им помогали, –
Все вместе сухого хвороста собирали.
И вот, уже ночью пришли остальные,
Уставшие очень девчонки, и с ними
Вожатая Таня, годов тридцати,

Сказала: «Спасибо», и сразу – на «ты».
Они положили ещё бревна три,
Парашюты простелили, и спать легли.
Дежурили ночью по очереди,
На случай пришествия дикой фауны.
Быть может поодаль ходили волки,
Но близко к огню они не подошли.
Под утро все вместе пошли в направлении
Искать ту кабину, и не было лени,
Уже есть хотелось, тепла и уюта,
Но этого вовсе не было тут.
Шли целый день по лесу, блуждая
И всё ту кабину, с надеждой иская.
Философ сказал: «Я полезу повыше
И с дерева может, кабину увижу»...
Но тут его хором девчонки прервали
И сами полезть они пожелали.
Ольга и Юля, из младших девчёнок,
Полезли на дерево, смотря сквозь сосёнок.
Они ничего там не увидели,
Но куда нужно идти, – они твёрдо знали.
Философ, индиго всегда доверял
И спорить, конечно, он с ними не стал.
Наташа, которой 16 лет было,
Жестом руками всех остановила,
Увидев кабину там вдалеке,
Всем показала, пошли все к реке.
Кабина, прямо, возле речки упала,
А речка текла – очень быстро бежала.
Они по над речкой шли, увидели –
Родник бил ключом, они его ждали.
Напились все вдоволь, поместили место,
Оставив кусок парашюта на месте.
Поля были дальше, а здесь – лес густой,
Низина, слегка, была под горой.
Камней было мало, лишь только в реке,
Шумел лес устало в округе – везде.
К кабине они уже подошли
И пол самолёта с кабиной нашли.
Она вся помятая просто валялась
И ценностью, вовсе, совсем не считалась,
Холодной была и дырявой везде,
Сиденья помялись, но всё же вполне,
Много взяли чего: не много еды,
Вещи все до одной,
На счастье попался один чемодан,
В нём много патронов и один лишь «Наган».
Философ в улыбке, в миг, засверкал
И сразу пистолет он в руки взял.

Его зарядил, патроны забрал,
Но куда дальше идти – он вовсе не знал.
Решили костры вновь, ночью палить
И вроде, пока, возле кабины и быть,
Девчонки дрова пошли собирать,
Разожгли костёр и стали латать –
Все дыры помятого полу-самолёта
Завесили парашютами и залатали всё там.
Вокруг входа в это, где случился разлом,
Наложили дров и разожгли костёр.
Философ подумав, вокруг посмотрев,
Сказал: «Вон, смотрите, там выше – удел,
Оттуда нам нужно вокруг посмотреть,
Быть может, чего и найдём, поглядеть».
– Чего мы найдём, – спросила Татьяна.
– Какой-нибудь дом, – ответил упрямо. –
Ведь здесь кто-нибудь, всё равно кто-то был
И он чем-нибудь может быть, наследил.
Ведь, наверняка, кто-то жил, иль живёт,
К себе он, конечно, и нас то возьмёт.
Ведь в этой железке нас всех проморозит
За год, а точнее – за зиму одну,
Поэтому я пойду, посмотрю.
– По дереву лазить, любим, ведь, мы, –
Сказали индиго Оля и Юля, и с философом пошли.
Добравшись за час до высшей точки,
Найдя деревья повыше, полезли девчонки.
– Смотрите внимательно, а да забыл, –
Вот бинокль и он невредим,
Нашёл я в одной, его, сумке в салоне,
Ищите строения и зверей тоже.
– Зверей? – Посмотрела Юляша, бинокль беря.
– Конечно, зверей – кабанов иль зайцев,
Ведь есть пистолет, – мы пойдём и убьём
И наконец-то мяса пожрём.
Залезли девчонки совсем высоко,
А философ вблизи смотрел – где чего.
Пытался увидеть какую-то дичь,
А лучше, – зверья он хотел подстрелить.
Оля смотрела и ничего не увидела она,
А Юля в бинокль смотрела – искала,
И по сто раз вокруг дерева она проглядала.
Бинокль был сильный, ну то есть крутой –
В него далеко было видно, как на ладони.
Увидев оленей, запомнила место,
Потом – кабанов и много других.
Но пока они туда доберутся, –
Звери давно убегут от них.
Поближе в бинокль она всё осмотрела

И набрела на клёвое дело –
Увидела сразу постройки она
И дальше смотрела, людей всё ждала.
Но люди с построек не выходили
И на снегу, даже не наследили.
Поближе она зверей поискала, –
И кабанов, аж, шесть увидала.
Спускаясь, смотрела на кабанов,
Чтоб не упустить из вида клыкастых врагов.
Высокое дерево, метров аж двадцать,
Шаталось во всю, было сложно держаться.
Северный ветер, мороз добавлял
И выживание к нулю опускал.
Оля увидела, – Юля спускалась,
И тоже вниз она запускалась.
Спустившись, Юляша, сразу сказала:
– Я много зверей вдалеке увидала,
Поближе есть тоже, вон там, в стороне,
Стадо кабанов, наедине.
Но главное там. – Она вперёд показала. –
Там не далеко есть два дома. – Юля сказала.
– Здрóрово, круто, – промолвил мужик. –
Запомнила ты – где дома?
– В первый миг.
– Значит – сейчас пойдём на охоту,
Ну, а затем – туда, где есть кто-то.
– Нет никого там, снег есть везде,
Ну, а следов нету ни где.
– Может быть, их ты не увидала?
– Нет, я смотрела и их не нашла.
Тут Оля спустилась, устало сказала:
– Я ничего не увидала.
– А я увидала и дом, и зверей.
Да, кстати, дальше, полно там зверей.
Втроём они тихо пошли к кабанам.
– Запах людской повеет вон там,
Запах они чувствуют издали,
Близко, – пугать не пойдём мы туда.
Метров 500 до зверей оставалось,
Как на глаза они показались.
Философ в бинокль посмотрел
И сразу жрать он сильно захотел.
– Если я первый раз в них не попаду –
Они разбегутся, ты мне помоги.
Держи ты бинокль над мушкой моей,
Благодаря этому, я прицелюсь точнее. –
Сказал он Юляше и к дереву стал,
Прицелился метко – и выстрелил «Наган».
Стрелял он в большого, из всех, кабана,

Ветер гулял, но пуля вошла,
Задела она кабана за ребро
И он подскочил, но не ушёл далеко.
Другие в рассыпку все кинулись прочь,
А философ решил кабану сдохнуть помочь.
Он выстрелил в голову, кабан в миг упал,
А это означает, что охотник попал.
Конечно, и нож у философа был,
Его он в кабине сумел раздобыть.
Придя к добыче, – разделал её,
Распаров брюхо, порезав мясо,
Он только лишь мясо, без костей вырезал,
А всё остальное – оставил волкам.
Всё мясо связал, поделив на три части,
В одну часть, – побольше, в другие – от части.
Верёвки он вытянул из парашютов,
Когда готовился к охоте не глупо.
Они потянули мясо туда,
Где видела девочка дом свысока.
Часа через два до дома дошли,
След оставляя, от мяса, в крови.
– Волки могут скоро за нами прийти,
Нужно скорей мясо в дом занести.
Патроны на них не охота сливать.
Пойдём быстрее в дом, лишь потом – отдыхать.
Они подошли к деревянному дому,
А рядом второй стоял возле дома.
Один был большой, другой – был поменьше,
Стояли они над землёй, и не меньше.
Держались они на деревянных столбах,
Которых под полом было – до ста.
– Прикольно построено.
– А чего высоко? – Спросила Юля, посмотрев на него.
– Наверное, чтоб волки людей не достали.
– Так там ведь ступеньки. Что, волки не знали?
– Нет, девочки, это так высоко,
Чтобы вода не смыла его.
Как лето настанет, тепло, когда станет,
Польётся вода, так как снег весь растает. –
Ответил философ и в дом поспешил,
Зайдя на веранду, он двери открыл.
А там было пусто, ну, кроме того,
Что две плиты были, столы и ещё:
Из дерева сделаны, стояли кровати,
Пеньки вместо стульев и децел кастрюлей.
А дом кроме дерева, обмазан был глиной,
Из двух он был комнат, и к радости всех, –
Заполненная комната полностью дровами,
Наколотыми топором, – это успех.

Плиту затопили при помощи пули,
Достав порох с пули, огонь размахнули.
Дрова подложили, – тепло ощутили.
Кастрюли для мяса в снегу то помыли.
Порезав мясо, положив всё в кастрюли,
Сказал им философ, смотря на кастрюли:
– Пошёл я к кабине за остальными,
А вы за огнём следите, отныне,
Чтоб он не погас и с плиты не свалился
И чтобы пожар не разразился.
Смотрите вдвоём сразу вы не усните,
Закройте дверь и дрова подложите.
Вы справитесь с этим?
– Конечно, иди,
И наших подружек скорей приведи.
Увидев топор в углу, он подумал,
Забрал он его и пошёл, снова думал.
А временем тем, Наташа с Татьяной
Собирали все вещи удобно, упрямо,
Все шторы, дорожку и всё остальное,
Что можно содрать из нутрии для покоя.
Надеялись, всё же, скорее – мечтали,
Что их люди найдут то, что искали.
Дойдя до кабины, мужик отдышался,
Позвал он Татьяну, зайдя, показался.
Он парашют за собою прикрыл,
Присел на сиденье и воду попил.
– Где Оля с Юляшей? – Спросила Людмила.
– Они уже в доме, его нашли мы.
Баклажки водой все наполняем,
Берём, что поднимем, от сюда линяем.
– А долго идти? – Спросила Наташа.
– Не долго совсем, – пол часа где-то даже.
Идите, смотрите вы по сторонам,
А я расскажу всё, что было сейчас вам.
Он рассказал им и дальше, идя,
Знакомясь с ними, знакомя себя.
Дошли они к дому, услышали лай, –
Волков была тьма, – уже хоть тикай.
– Учужали мясо, дверь-то закрыта,
Сейчас уж попляшут.
Достал он «Наган» и пальнул пару раз.
Один волк завыл, получая «экстаз».
Другие – бежать на людей не решились,
В лес не тикали, а насторожились.
Философ палил, пока всех пострелял,
К нему волки шли, когда он заряжал.
Когда всего двое осталось волков, –
Они уж тикали, но он их «довёл».

Аж 22 волка он застрелил,
При этом, патронов много спустил.
– Я хищникам этим устрою прикол, –
Завтра их головы посажу я на кол,
Другим не повадно, чтоб было ходить
И дом, и округу здесь «терebить».
Зашли они в дом, уже вечерело,
Тепло, сразу, дома, их всех согрело.
Девчата-хозяйки мясо тушили,
Волков не боялись, ведь двери закрыли.
Философ, оглянул второй дом, что рядом,
И он оказался не домом, а баней.
И дров было тоже в предбаннике много,
Пошёл он ручей искать вблизи дома,
Ведь речка текла, в метрах пяти от дома,
Наверняка, здесь родник есть для дома.
Увидел он, вдруг, труп человека,
Всего с бородой и одетого в шкуры.
Подумав о том, что его не сожрали
Волки голодные... Трупов не жрали?...
Может быть, болен был человек,
И волки учуяли, ну, и медведь.
Нашёл он родник, стекал тот в реку,
Домой он пошёл и не пил ту воду.
Уставшие люди поели, попили;
Легли дети спать, Наташа – с ними.
– Пойдём мы в ту комнату,
Там есть кровать, а здесь нам негде спать. –
Татьяне философ предложил
И в комнату с дровами, дверь открыл.
Татьяна ухмыльнулась, но всё же повернулась,
И в комнату пошла и на топчан легла.
Философ рядом лёг и начал диалог:
(Продолжение ищите в других сайтах, в которых нет ограничений).

0.2.4. «Временной мир» или «Жители времени».

«Настало время, когда наши корабли бороздят время». Априот.
Три тысячи семьсот девяносто седьмой год –
Дошёл прогресс до временных ворот.
В нынешней точке времени этом
Каждый из всех уже был поэтом.
Экстросенсорикой он обладал,
Ум свой без разума не применял.
Глупостей бывших не сделал ни кто,
Так как сознание «вечно» росло.
Люди физически уж не плодились,
Не умирали и не гноились.
Душевно, духовно, информационно

Стремились вперёд по прогрессу сегодня.
У каждого в доме был гипер экран,
С которого каждый за всем наблюдал,
Он пультом листал желанные точки –
Любые года, города, днём и ночью.
Ну, в общем, по старому если сказать, –
Компьютером четырёхмерным экран был,
И каждый с экрана мог, что хотел, всё узнать,
И так развлекался, и так, в общем, жил.
Антенны экранов настроены все
На спутник один, что подключен вовне, –
Улавливал он сигналы извне,
Подключенный был к оболочке вполне.
К оболочке планеты его подключили,
К электромагнитной системе внедрили.
Ну, в общем, налажена сильно была
Связь, с общим полем, информационная.
И смотр вот этот всех увлекал,
И сразу для всех он манией стал.
Ведь всем интересно было узнать:
Что было, что будет, чему не бывать.
Изменять ничего ни кто не желал,
Ведь интеллект их всё понимал;
К тому же, изменить ничего не получится,
Так как парадоксы во времени крутятся.
Они лишь смотрели и диву давались,
Как за всё время само время изменялось.
Уж много всего люди узнали
Через информацию, что получали.
Но мозг человека пытливый, влечёт
Всё дальше и дальше, вперёд и вперёд.
Поэтому были и есть в это время
Две фирмы крутые с названием «Время».
Услуги они предоставляют
Для экстрималов, ведь им не хватает –
Лежать и смотреть, что было и будет,
Им адреналин нужен очень. Вот, люди?!
Клиентам корабль вручают они, –
И те отправляются во временные пути.
Корабль не большой, большого не надо,
Есть одноместный, двух; кому сколько надо.
На облако он похож издалика,
Летает и светится даже слегка.
Следить за клиентами вовсе не нужно,
Ведь время само себя оберегает дружно.
На страже всегда стоят парадоксы,
Они не позволяют конкретной загвоздки.
Конечно, бывают всегда исключения, –
Когда парадокс в парадокс попадает, –

Тогда автоматика в компе у фирмы
Срабатывает – и идут «кинофильмы» –
Всё так остаётся, что кто начудил
И фирма по времени тут уж без сил. –
Кому удаётся двойной парадокс совершить –
То эти события остаются, так им и быть.
Полиции времени нету совсем
И это известно, естественно, всем.
И вот, корабли бороздят прям всё время,
И это прикольно, и это не бремя...
Так как господь бог – это начало и конец,
А соответственно – одна и та же точка времени,
Значит: материя движется по кругу времени,
А господь бог – это арагоническая точка.
Получается, что время не бесконечно,
Что у него есть определённое расстояние.
А за преодоление определённого расстояния
Жители времени платят своё «состояние».
Жителями Времени являются:
– Планета, что, двигаясь, постоянно меняется;
– Флора и фауна, люди, машины,
– Клетки, протоны, нейтроны и силы...
Люди машины-корабли изобрели,
Эти корабли по времени пошли.
Ездят, – летают и наблюдают, –
Предков своих они удивляют.
Ведь предки не редко их замечали, –
Затем, об увиденном, в историю писали:
«Ангелы были, над нами летали
И чудеса нам показывали;
С планеты другой существа прилетали;
Бог к нам спускался; люди мерцали».
Вот так парадоксы² (в квадрате) и получались,
Фактом в истории так и остались.
От сюда религии все и пошли,
И в парадоксах² (в квадрате) себя и нашли.
Вот к Иоанну корабль спустился,
Но перед этим слегка изменился, –
Трансформацию, экстримал, корабля произвёл
И этим фурор, для Иоанна привёл.
Экстримал Канафат прискользил вот сюда,
Конечно совсем, совсем не спроста.
Он знал, что увидел тогда Иоанн,
И сам захотел стать пилотом корабля,
Чтоб ему говорить с Иоанном о будущем,
А не кому-то другому совсем –
Он первым успел стать тем парадоксом² (в квадрате),
Чтоб в библию тоже попасть парадоксом² (в квадрате).
Выдвинул Канафат 7 фар и включил,

Корабль в робота он превратил,
Посредине вокруг – золотая кайма,
А верхушка бела была у корабля;
От кабины стеклянной солнца свет отражал,
Иоанну тем самым, на огонь намекал,
Из сопла струился огонь от работы,
Как у ракеты и самолёта;
Двигатель включен был – громко шумел, –
А Иоанн тогда офигел;
Рука корабля-робота держала огни,
На звёзды были похожи они.
Канафат с Иоанном заговорил
Через бортовой компьютер, что переводил,
Ведь их речь различной была
И через компец стала понятней она.
Ну, в общем, – с собой он Иоанна забрал
И многое, что будет, ему показал.
Сказал: «Напиши, чтоб люди все знали
И этих событий, чтоб ожидали,
Чтоб беса не гнали, хотя, – будут гнать,
Но будут корабль и меня вспоминать».
Иоанн всё смотрел и диву давался,
И на постой всему удивлялся,
Он понял, как мог и всё записал,
И в Бога он верил, но офигевал.
Когда речь дошла до событий его,
Канафата – экстримала – гостя сего, –
Иоанну Канафат о скольжении по времени рассказал,
Но написать об этом он запрещал.
Сказал: «Тот меч обоюдоострый,
С лица моего корабля, что исходит,
Как раз за путешествия во времени отвечает
И меня к тебе перемещает».
Ещё он сказал Иоанну, что времени больше не будет,
И что конец непременно настанет всем людям,
Про весь он прогресс ему рассказал
И про тот, что в будущем сам увидал.
Короче поведал ему до фига, –
Наук разных много, ну, все. Вот те, да!?!
Не прямо всё понял седой Иоанн,
Но то, как он понял, – он записал.
Вот так «Откровение» и получилось,
Затем оно в «Библии», конечно очутилось,
Затем – всем известно в будущем стало, –
И интерес Канафата оно привлекало.
Такой парадокс² (в квадрате) Канафат сотворил,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.